

УДК 304

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ «НОВЫХ ЛЕВЫХ» КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В США

А. А. Костикова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
email: akostikova04@ya.ru

А. П. Сегал

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: segal.alexander@gmail.com

А. В. Смагар

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: antonsmagar@gmail.com

Аннотация. Авторы статьи рассматривают исторический материал, посвященный процессу институционализации новых академических дисциплин в США в период с 1960-х по 1990-е гг. с целью определения факторов возникновения актуальных проблем политики идентичности в США. Они также рассматривают содержание теоретического аппарата этих дисциплин и их политическую роль в формировании самосознания американских граждан. Авторы определяют основные понятия и выделяют проблемы, фигурирующие в дискурсе социальной справедливости. Особое внимание уделено «левым» (в нынешнем восприятии) стратегиям фрагментации сообщества, направленным на решение исторически сложившихся проблем социальной несправедливости. Определен социальный генезис дискурсивных и нарративных практик, задействованных в процессе конструирования новых коллективных идентичностей США и «нового» исторического самосознания. Обозначены комплексные стратегии культурной идентификации и дискурсивные механизмы социальной организации, наглядное функционирование которых артикулируется в американском сообществе посредством риторики «интересов дискриминируемых групп». Определены структурные компоненты политических нарративов, циркулирующих в американской общественной жизни. Помимо этого, политическая корректность была рассмотрена в качестве программы, претендующей на структурирование субъективности через языковую унификацию. Сделан вывод о том, что институционализация дисциплин, посвященных социальной истории (social history) миноритарных и дискриминируемых групп, в американской системе высшего образования в период активности движения «Новых левых» является одним из факторов сегодняшней поляризации общественной жизни США. По мнению авторов, левое движение встало перед необходимостью переоценки своих политико-философских программ, однако вопрос о том, когда будет совершена эта переоценка, остается открытым.

Ключевые слова: социальный проект, дискурс социальной справедливости, «новые левые», политика идентичности, нарративный конструктивизм, нарратив антагонизма.

Для цитаты: Костикова А. А., Сегал А. П., Смагар А. В. Академическая институционализация «новых левых» как фактор формирования коллективных идентичностей в США // Профессиональное образование в современном мире. 2020. №3. С. 3988–3997. DOI: 10.15372/PEMW20200309

DOI: 10.15372/PEMW20200309

ACADEMIC INSTITUTIONALIZATION OF THE NEW LEFT AS A FACTOR OF FORMING COLLECTIVE IDENTITIES IN THE USA

Kostikova, A. A.

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation
email: akostikova04@ya.ru

Segal, A. P.

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation
e-mail: segal.alexander@gmail.com

Smagar, A. V.

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation
e-mail: antonsmagar@gmail.com

Absbstract. *The authors examine historical material devoted to the process of institutionalization of new academic disciplines in the USA in the 1960-90s to identify the factors of emerging relevant problems of identity politics in the USA. They consider the content of the theoretical apparatus of these disciplines and their political role in forming self-consciousness of American citizens. The article defines the basic concepts and reveals the problems appearing at the discourse of social justice. Particular attention is paid to the «left» (in the current perception) strategies of community fragmentation aimed to solve the historically developed problems of social injustice. The paper determines social genesis of discursive and narrative practices involved in the process of constructing new collective identities of the USA and «new» historical self-awareness; outlines the complex strategies of cultural identification and discursive mechanisms of social organization, which the perceptible functioning is articulated in the American community through the rhetoric of «the interests of discriminated groups». The author determine structural components of political narratives circulating in American public life; consider political correctness as a program that claims to structure subjectivity through linguistic unification. They conclude that the institutionalization of disciplines on the social history of minority and discriminated groups in the American higher education system during the period of New Left movement activity is a factor in nowadays polarization of the US public life. According to the authors, the left movement faces the need to re-evaluate its political and philosophical programs, but the question of the time of re-evaluation to be completed remains open.*

Keywords: *social project, social justice discourse, New Left, identity politics, narrative constructionism, narrative of antagonism.*

For quote: *Kostikova, A. A., Segal, A. P., Smagar, A. V. [Academic institutionalization of the New Left as a factor of forming collective identities in the USA]. Professional education in the modern world. 2020. №3. pp. 3988–3997. DOI: 10.15372/PEMW20200309*

Введение. Мощный всплеск социальных протестов в США, а затем и в Европе, вновь заставил исследователей вернуться к рассмотрению целого ряда проблем, которые периодически обостряются, начиная с 60-х, а в особенности – с 1968 г. Почему время от времени вспыхивают бунты, в которых справедливые требования соседствуют с грабежами и погромами? Что требуют участники? И, главное, где и кем формулируются социальные программы и формируются политические взгляды, на которые опираются требования протестующих? Для того чтобы разобраться в сегодняшних процессах, будет нелишним обратиться к весьма интересному периоду протестного движения, к 1960-м, когда в американских и европейских университетах выросло целое поколение, определившее в конечном итоге сегодняшнюю ситуацию в США, Европе, да и в значительной степени во всем мире.

То время не зря называют «бушующими шестидесятыми» (англ. «The Turbulent Sixties»): нация болезненно претерпевала коренные социальные изменения, переопределяла свою идентичность. Новые вопросы о национальном самосознании и национальной истории американцев были обусловлены «от-

крытием» особых «групп памяти», которые прежде были едва различимы на фоне громкого национального исторического повествования. Это заметно по систематичной критике академической среды исследователями того времени, которых объединяют общим названием «The New Left» («новые», или «культурные левые») [1, р. 73], а также по их попыткам понять и объяснить по-новому ряд острейших социальных проблем того времени: «происхождение войны во Вьетнаме, сохранение расизма и сегрегации; распределение власти между гендерами и классами, трудноразрешимую нищету и упадок городов, провал социальных институтов и политики, направленных на работу с психическими заболеваниями, преступлениями, подростковой преступностью и образованием» [2, р. 17]. Одни и те же страницы истории активно прочитывались по-разному: патриотизм, например, начинал ассоциироваться не только с достойной уважением и гордости защитой своей страны, но и с истреблением коренного населения, ввозом африканских рабов, вырубкой старых лесов, государственным оправданием военных преступлений режима и т. д. Действующий национальный нарратив начинал дополняться критической для его дальнейшего обоснования и существования серией новых академических дисциплин: «история женщин¹, история черных², дисциплины о сексуальных меньшинствах³, об испано-американцах и о мигрантах» [1, р. 79] и т. д. Отрицание метанарратива в сочетании с интересом к прагматическому прочтению истории задали для гуманитарного знания известную тенденцию к изучению и защите миноритарных и дискриминируемых групп, являющихся жертвами угнетения и правового произвола. Побуждением, скрывающимся за трансформацией академической среды США того времени, было, прежде всего, желание «сделать что-нибудь для людей униженных – помочь жертвам разнообразных форм социально допускаемого садизма, сделав его более неприемлемым» [1, р. 80].

В период начинавшегося расцвета движений за гражданские права чернокожих, американских индейцев, рабочих и ЛГБТ-групп, успехов феминизма второй волны, экспансии студенческого активизма левого толка [3, р. 10] возникло огромное число вполне обоснованных разногласий в отношении проблем американской культуры, политики, истории, литературы и пр. Однако «чисто» протестные движения, породившие лозунги за радикальную трансформацию Америки, не могли продолжаться вечно. И понявшие это активисты движения «Студенты за демократическое общество» (англ. Students for a Democratic Society, SDS)⁴ в своем известном манифесте 1962 года, «Порт-Гуронской декларации» [4] («Port Huron Statement»), сделали акцент на роли университетов, которые должны были выступить теоретическим полигоном в формировании амбициозных стратегий *продолжительной* борьбы левых движений за социальную справедливость. В результирующем разделе, озаглавленном «Университет и социальные изменения», они писали: «мост к политической власти, однако, будет построен через подлинное сотрудничество на местном, национальном и международном уровнях между новой левой молодежью и пробуждающимся сообществом ее союзников. В каждом сообществе мы должны смотреть внутрь университета и действовать с уверенностью, что можем быть сильными, но мы должны смотреть вовне на менее экзотическую, но более длительную борьбу за справедливость» [4, р. 62].

Иными словами, в начале 60-х речь шла о *долгосрочном* целеполагании с опорой на академическую науку, и субъектами (агентами, акторами) этого целеполагания виделись «повзрослевшие в послевоенном мире» «новые левые», приобретшие в университетах «реальные интеллектуальные навыки» и «распределенные на значительные социальные роли по всей стране» [Там же].

Такая политическая ставка «сняла» бы с университета статус изолированного производителя национальной идентичности, закрепленный за ним со времен влияния интеллектуалов, видевших в университете оплот *общих* американских ценностей и идентичностей, своего рода «национальную церковь» [5, р. 3]. В проекте «новых левых» университет, поскольку там допускается, чтобы «политическая жизнь была дополнением к академической, а действия основываются на разуме», становился «отправной точкой», местом, где происходил рекрутинг более молодых сторонников, – и «более разумным местом, чем политическая партия», позволяющим обсуждать различия и противоречия и «искать политический синтез» [4, р. 62].

Но главная задача университета, по логике Порт-Гуронской декларации, заключалась в том, чтобы формулировать проблемы, «дать форму чувству беспомощности и безразличия, чтобы люди могли увидеть политические, социальные и экономические источники своих личных проблем и организовать для изменения общества» [Там же]. Причем акцент делался на «аргументы в пользу перемен, в пользу альтернатив», а не только «на пустые желудки», тем более что в обществе потребления такие аргументы работать не могут.

¹ Первый аккредитованный курс «Women's studies» в США был организован в 1969 г. в Cornell University.

² Тем же годом была институализирована «Black Studies Program» в UC Berkeley.

³ Годом позже в UC Berkeley возник курс «LGBTQ studies», включавший в себя ранее составленные программы «lesbian studies» и «gay studies».

⁴ Крупнейшая леворадикальная студенческая организация США.

Все это в совокупности делало университет, образно говоря, оплотом «прогрессоров». Заметим, что саму идею «прогрессорства», но в парадигме развития советской модели общества, примерно в то же время (1959–1960 гг.) начали формулировать братья Стругацкие в книге «Полдень, XXII век». Собственно, сама идея была достаточно популярна всегда, и своего рода мысленные эксперименты с участием людей, тем или иным способом несущих прогресс, проводились и прежде. Достаточно вспомнить «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена или даже Белого человека из стихов Редьярда Киплинга, не говоря уже о вполне реальных народниках и миссионерах. Однако в 60-е, по итогам крушения колониальных империй и становления Третьего мира, идея приобрела настолько мощное звучание, что началась ее *системная* проработка – от мысленного социального эксперимента Стругацких и Ефремова до практическо-политических деклараций и академических проектов «новых левых». Здесь нужно вспомнить, что и теория конвергенции, предполагающая сближение социалистической и капиталистической систем на базе научно-технического прогресса получила развитие в то же самое время в работах Я. Тинбергена (1960), П. А. Сорокина (1961) и Дж. К. Гэлбрейта (1967).

Постановка задачи. Если вкратце обрисовать **проблемное поле**, то можно сказать, что исходными точками проекта «новых левых» были постановка *целей* социальных реформ, формулирование *аргументов* в их пользу, поиск (рекрутинг) и/или воспитание *тех, кто донесет* эти цели и аргументы до *тех, в чью пользу* предполагались реформы. Иными словами, речь шла о формировании исторического (социального) нарратива, который, собственно, и есть аргументированный рассказ о целесообразных социальных действиях. Проблема лишь в том, что, как заметила Ханна Арендт, кстати, практически в то же время, в 1958 г., – «в отличие от производства, где ясность относительно готовой продукции обеспечивается изображением или моделью, воспринимаемыми заранее глазом ремесленника, ясность относительно процессов действия, а потому и всех исторических процессов, возникает только в их конце, часто, когда все участники мертвы» [6, р. 192]. Пока участники процесса живы и молоды, *трансформация* целей неизбежна, и закономерность ее можно будет осознать *a posteriori*, в будущем, что мы и пытаемся сделать.

Рабочая гипотеза. Институционализация дисциплин, посвященных социальной истории (social history) миноритарных и дискриминируемых групп, в американской системе высшего образования в период активности движения «новых левых» является одним из факторов сегодняшней поляризации общественной жизни США.

Методология и методика исследования. Сложившаяся ситуация в американской общественной жизни в отношении миноритарных и дискриминируемых групп требует социально-философской и социально-исторической интерпретации. Это и определяет методологию, которая строится на историческом материале, отражающем процесс институционализации академических дисциплин в американской системе высшего образования, а также на современной социальной теории, посвященной проблемам коллективной идентичности. Рабочая гипотеза основана на результатах исторического и социально-философского исследования отобранного исторического материала. Путем обращения к историческому материалу мы проведем параллели между процессами, происходившими в американской академической среде, и процессами дискурсивного формирования актуальных коллективных идентичностей США.

Результаты. Итак, в 1960-е и 1970-е гг. американские историки перешли к изучению «истории снизу вверх», сосредоточив свое внимание на вопросах не только уже класса, но и расы, рабства, пола и гендера. Этот период представил собой первый серьезный сдвиг в дискурсе американской академической истории, произошедший со времен эпохи «старых» прогрессистов. Представление последних об истории как «полезной» дисциплине в достижении социальных перемен вернулось к научным дискуссиям. Молодые ученые отстаивали прагматический подход к исторической интерпретации, в которой «правда» рассматривалась в тандеме с практикой. Это был своего рода путь «навстречу новому прошлому»⁵ [7], проложенный изысканиями зачастую разобщенных исследователей, которых объединяют под названием «новые левые».

История афроамериканцев начала трансформироваться во второй половине 1960-х годов под влиянием бурных гражданских протестов вкупе с набирающим академическое признание и завоевывающим общественное внимание движением «новых левых». Несмотря на то что в то время афроамериканские активисты активно критиковали возможность написания объективной истории рабства с «предвзятых позиций белых историков», основная часть афроамериканской истории была выполнена именно белыми исследователями, придерживавшимися левых взглядов. В их число входили Герберт Гутман [8], Лоуренс В. Левин [9], Юджин Дженовезе [10], чьи работы во многом находились под влиянием англий-

⁵ Так назывался сборник трудов «новых левых» историков 1968 г. под редакцией Бартона Бернштейна.

ских историков-марксистов, таких, как, например, Эдвард Палмер Томпсон [11]. Благодаря трудам этих трех исследователей, история рабства оказалась в центре американской историографии того времени. Более того, расовые исследования (race studies) и исследования рабства (slavery studies), в которых начали использовать такие концепты, как «культурная гегемония», выступили фактором трансформации американской социальной истории (social history) периода 1965–1975 гг.

Параллельные события, способствующие прорыву в американской историографии, произошли в связи с развитием женских и гендерных исследований (women studies; gender studies). До 1960-х гг. в американской академической среде было создано относительно немного трудов, посвященных истории женщин, однако в 1970-х гг. в этой области усиливается исследовательская активность, сопряженная с активной реализацией программ и проектов феминизма «второй волны». Одним из ранних проектов в академической среде стал так называемый проект «Herstory» (сочетание her – «ее» и story – «история» в смысле «повествование, сюжет, рассказ»⁶), который противопоставлялся History (сочетание his и story). Подобная игра слов предполагала указание на проблемный характер устоявшейся историографии. Американские «истории женщин» («her story»), как правило, писались женщинами, рассматривавшими себя в качестве автономного субъекта в поле предвзятой «маскулинной» историографии («his story»). К авторам того периода относятся Герда Лернер [12], Луиза Аудино Тилли и Джоан Уоллак Скотт [13]. Через их исследовательскую «призму» история была представлена как созданная мужчинами система нарративов о мужчинах для укрепления доминирования мужчин над женщинами. Под влиянием феминистской теории второй волны, во многом основанной на социальном конструктивизме и пост-структурализме, с 1980-х гг. «гендер» начинает использоваться в исторических исследованиях как аналитическая категория. Релятивистские концепты, переосмысление властных структур, символических репрезентаций и политических практик, проблематизация сексуальности стали важными составными частями этой категории. Гендерный проект позволил по-новому атрибутировать проблему женского угнетения и, как следствие, сформировать иное дискурсивное содержание женской коллективной идентичности в США. По мере возрастания влияния исследований сексуальности (Sexuality Studies), на которые оказала большое влияние фуколдская традиция, появлялись все новые работы, посвященные гендерной проблеме в Америке, а к 1990-м гг. начали прочно закрепляться дисциплины, посвященные истории сексуальных меньшинств. Следуя положениям М. Фуко, в этих дисциплинах сексуальность, а также мужские и женские тела, начали рассматриваться прежде всего как социально-исторические конструкты [14].

Следует отметить, что хронологически термин «политика идентичности» начал утверждаться в политическом дискурсе в 70-е гг. за счет активного использования его «новыми левыми» в дебатах, касающихся *социальной справедливости* [15]. Однако в настоящей статье речь идет не об истории вообще, а об *академической институционализации* коллективной памяти конкретных социальных групп, выстраивающих сквозь новую призму свою идентичность в публичной сфере. За этими группами закрепляется особое символическое положение, на основании которого их члены требуют не только признания собственных отличий, но и материальных репараций и реституций [16, р. 18]. Важно отметить, что политика идентичности, направленная на разрешение исторических проблем социальной несправедливости, осуществляется путем *формирования* определенного представления о положении дискриминируемых групп. Это представление опирается на весьма своеобразную интерпретацию национальной истории и культуры: они рассматриваются через конфликт между символической инстанцией «гегемона» (oppressor) и символической инстанцией угнетенных (oppressed). Этот процесс можно условно назвать *нарративным конструированием идентичностей*, где ключевым элементом является *нарратив абстрактного антагонизма*. Проблематичность процесса формирования такой политики в США состоит в специфике стратегий культурной идентификации. Они направлены на фрагментацию общества, и различия разных групп зачастую приобретают категоричную унифицированную форму, делая их членов, тем самым, имманентными субъектами «левого» политического нарратива.

Сегодня американское общество все больше демонстрирует дифференцируемость и плюрализацию коллективных идентичностей в публичном поле, на что указывает разнообразие и множественность конкурирующих нарративов и интерпретаций в отношении тем прошлого, настоящего и будущего внутри этого общества. В качестве одного из примеров можно привести отказ коренных американцев в ряде штатов от Дня Колумба, входящего в список национальных праздников. Активисты групп коренных американцев не раз пытались сорвать праздничные шествия и вступали в конфликт по этому поводу с группами италоамериканцев.

⁶ В английском языке «история» обозначается двумя разными по смыслу терминами: *history* как наука и *story* как повествование, сюжет, рассказ.

В статье «Дискурсивная трансформация мемориальной культуры США» [17] один из авторов настоящей статьи на примере диссонанса между традиционным национальным нарративом и партикулярными нарративами групп, не относящихся к национальному повествованию, показал, что культура традиционного национализма США становится *объектом деконструкции*. С 60-х гг. XX в. она столкнулась с различными вызовами, во многом обусловленными актуализацией левыми активистами тем *политики идентичности* в публичном дискурсе. Прежде *маргинальные и угнетенные социальные группы* и связанные с ними движения начинают бороться за признание их *различий* (differences) на основании их положения в обществе и связанного с ним комплекса культурных свойств.

Эта борьба проявляет себя как на теоретическом, так и на практическом уровнях, примером чего выступает переосмысление и обоснование гендерной, сексуальной и расовой идентичностей в институциональном устройстве и социальных практиках американского общества⁷. Обусловленная этим феноменом логика вытеснения определенных содержаний из национальной памяти напрямую связана со спецификой процесса формирования и утверждения новых идентичностей. Важно отметить, что новые формы этой политики «усложняют и усугубляют многовековые противоречия между универалистскими принципами, объявленными американской, французской и русской революциями, и особенностями, связанными с национальной, этнической, религиозной, гендерной, «расовой» и языковой принадлежностью» [18, р. XXXI].

Из этой ситуации возник ряд дискуссий на тему того, каким образом должно быть организовано сосуществование разных групп, какую политику необходимо проводить в отношении культурных особенностей и *различий* этих групп в перспективе развития *демократического сообщества*. Поводами для дискуссий последних тридцати лет о проблеме идентичности выступали самые разные вопросы: начиная с научных полемик о гражданском национализме и этнической принадлежности, продолжая спорами о политической корректности и заканчивая противопоставлениями «*политики признания*» [19, pp. 25–73] и «*политики распределения*» [20, р. 7]. Быть демократом в Америке сегодня означает понимать всю деликатность этой проблемы и связанной с ней публичной деятельности, в ходе которой постоянно растут чувства отчужденности и враждебности среди населяющих страну или относящихся к ней групп, чье мнение требует все более и более должного внимания при рассмотрении проблем. Чтобы убедиться в этом, достаточно посетить официальный вебсайт демократической партии США, на котором отсутствует текст единого обращения к избирателям, однако, можно найти *семнадцать (!)* обращений к отдельным носителям групповых идентичностей. В их число входят: 1) афроамериканцы; 2) американцы с инвалидностью; 3) американская еврейская община; 4) американцы из Азии и тихоокеанских островов; 5) демократы за рубежом; 6) этнические американцы; 7) сообщество веры; 8) латиноамериканцы; 9) сообщество ЛГБТ; 10) коренные американцы; 11) сельские жители; 12) пожилые люди и пенсионеры; 13) сообщество малого бизнеса; 14) члены профсоюза и семьи; 15) ветераны и военные семьи; 16) женщины; 17) молодежь и студенты^{8 9}.

Приведенный список идентичностей можно разбить на три *формы конструирования идентичностей* в соответствии с классификацией, предложенной М. Кастельсом [21]. А именно: 1) *легитимирующая идентичность* – вводится господствующими институтами общества для расширения и рационализации своего господства над социальными акторами¹⁰; 2) *идентичность сопротивления* – формируется субъектами (акторами), которые находятся в ситуации их недооценки и/или стигматизации¹¹ логикой господства; 3) *проективная идентичность* – социальные акторы на основе доступного им культурного материала строят новую идентичность, которая переопределяет их положение в обществе через преобразование устоявшихся социальных структур [22, pp. 21–38]. Нас в аспекте темы настоящей статьи

⁷ Примером может выступить институциональная реорганизация вооруженных сил в США, традиции и нормы которых долгое время выступали в противоречии с правами женщин, гомосексуалистов и трансгендеров.

⁸ African Americans, Americans with Disabilities, American Jewish Community, Asian Americans and Pacific Islanders, Democrats Abroad, Ethnic Americans, Faith Community, Hispanics, LGBT Community, Native Americans, Rural Americans, Seniors and Retirees, Small Business Community, Union Members and Families, Veterans and Military Families, Women, Young People And Students.

⁹ Причем почти в каждом из них будет упоминание о Дональде Трампе как о негативной фигуре, нарушающей работу демократических институтов.

¹⁰ Здесь примером могут выступить нормативные установки правил принадлежности к сообществу, вводимые через институт гражданства и правила натурализации, а также проведение переписи населения, которые реализуются посредством государственных институтов.

¹¹ От греч. στίγμα – «клеймо, ярлык». В Древней Греции так обозначалось клеймо на теле раба или преступника. В современном либеральном дискурсе – термин, обозначающий навешивание социальных ярлыков, жесткое приписывание человеку или группе определенных (чаще всего негативных) качеств. Термин получил развитие в книге Ирвинга Гофмана «Стигма. Заметки об управлении испорченной идентичностью» (1963) [28].

интересуют две последние формы, которые будут интегрированы в одну под названием «*проективная идентичность сопротивления*». К этому виду могут быть отнесены следующие групповые идентичности: афроамериканцы, женщины, ЛГБТ сообщество и коренные американцы. Конститутивной чертой перечисленных групповых идентификаций в культурном измерении политики выступает стремление использовать общественную сферу с целью деконструкции действующих социальных структур и обретения общественного признания посредством включения субъектов в *дискурс социальной справедливости*. При этом субъектами здесь являются новые общественные движения, группы и их члены, которые отмечены особым положением за счет неустранимой социальной стигмы. Их возникновение, консолидация и самоопределение производятся посредством сопротивления гомогенизирующим, централизующим и унифицирующим функциям действующих режимов. Таким образом, политика идентичности реализуется в контексте отношений власти, господства и подчинения, сопротивления и признания.

Сегодня в США в большинстве случаев выдвигаются требования социальной справедливости двух типов: 1) эгалитарные требования перераспределения ресурсов в обществе; 2) признание культурных различий и особенностей. Отсюда возникают часто обсуждаемые программы «политики распределения»¹² и «политики признания»¹³, которые мы уже упоминали. Некоторые сторонники «распределения», отвергая политику признания, видят в ее претензии на признание *различий* оплот «ложного сознания», препятствующего достижению подлинного социального равенства. В то же время, напротив, некоторые сторонники «политики признания» рассматривают «политику распределения» как неотъемлемую часть «устаревшего материализма», являющегося подспорьем несправедливости, на упразднение которой направлены их силы. Разделение этих политик может быть рассмотрено в тесной связи с общепринятым делением левых политических сил Америки на «старые» и «новые», которое возникло в 60-х гг. XX в. Ричард Рорти, причисливший себя к поколению «старых» левых, в вышедшей в конце прошлого века книге, посвященной трансформации политики левых в Америке [1], пишет, что с тех пор основной акцент новых левых переместился с экономических проблем, которые волновали их предшественников, на культурные, на проблемы, лежащие в мышлении рядового американца, в образах его мыслей, воспроизводящих злокачественные для потенциальной свободы человека «патриархальные и капиталистические институты индустриального Запада» [1, р. 79].

До 60-х гг. в кругах левых реформистов преобладала классическая марксистская парадигма, объясняющая неравенство и нестабильность в американском обществе экономическими причинами. В ней экономические угнетатели выступали главным источником таких вторичных болезней на социальном теле, как нищета, безработица, расизм, ущемление прав женщин и т.д. Затем начался сдвиг в фокусе теоретической и политической активности левых: центром притяжения уже становятся не рабочие кружки и профсоюзы, а различные группы «жертв системы социальной стигматизации». В ходе этого сдвига и происходит становление поколения «новых левых». В ходе этого процесса происходит отход «новых левых» от теорий *экономической* эксплуатации. И речь идет не только о теории прибавочной стоимости К. Маркса, но и о классических анархо-синдикалистских концепциях неэквивалентного обмена по П.-Ж. Прудону и об умеренной идеологии тред-юнионизма АФТ-КПП. Все они сменяются концептами психо-сексуальной мотивации (вроде фрейдовского понятия наслаждения), которые заняли центральную позицию в социальной теории и эмансипационных практиках [23, р. 11].

Для американских «новых левых» характерна постоянная озабоченность продуктивным обновлением концептуального аппарата в отношении острых социальных проблем, так как они видят теорию в качестве «строительного материала» в процессе конструирования субъектов (коллективных идентичностей). Они постоянно критикуют традиционные американские культурные институты как «репрессивные инстанции», но, что интересно, в американо-британской традиции категориальные инструменты такой критики отсутствуют. Поэтому источником философских рассуждений для американских «новых левых» зачастую выступает континентальная философия второй половины XX в., из которой выводится главное положение – необходимости социальной *дифференциации* как пути ниспровержения репрессивного порядка. Традиционным конструктом полагается некоторый «отпечаток системы» на жизни, который активно фиксируется в языке¹⁴. Атрибуты американской «гражданской религии» так-

¹² см. Государство всеобщего благосостояния или государство всеобщего благоденствия (англ. Welfare state).

¹³ см. Политика репараций (англ. Reparations Politics) в США – как пример соединения признания и распределения, – в ходе которой проводилась калькуляция репараций потомкам рабов на основании определенной политики прошлого.

¹⁴ В качестве примера следует выделить критику андроцентризма (от др.-греч. ἀνήρ, ἀνής – мужчина + κέντρον, kéntron – острие (циркуля), средоточие), в программе которой язык рассматривается как одна из главных причин гендерной асимметрии. Отправным пунктом данной критики принято считать положение о том, что языковая картина мира фиксирует и воспроизводит патриархальный порядок в обществе. Также примером может послужить фиксация «белых привилегий» (White Privilege) в повседневном языке американской жизни критической расовой теорией (Critical Race Theory), выступающая основанием для программы «политической корректности».

же зачастую рассматриваются в качестве негативного «отпечатка» доминировавшей прежде культуры WASP – White Anglo-Saxon Protestant (белых англосаксонских протестантов), который наступательно деконструируется в теоретической и практической деятельности. Привычные конструкты традиционной американской жизни, по мнению «новых левых», должны раствориться в ходе их систематической проблематизации в целях создания справедливого общества, где люди будут иметь равные политические, экономические, культурные и правовые возможности вне зависимости от своих идентичностей.

Выводы. Фактически «новые левые» ушли от тезиса «классового единства» к *буржуазной* идее совокупности субъектов (а если еще точнее – изолированных индивидов) внутри микросообществ. Причем пересечение границ этих микросообществ невозможно, то есть нахождение в том или ином сообществе начинает приобретать атрибуты *биологической* предопределенности. Концептуально близка этому и идея реформации языка. Она порождена, в свою очередь, идеей о том, что изменения в языке могут привести к переменам в человеческом мышлении, и тоже не нова. Теоретическим основанием для современных идеологизированных изменений в языке является «жесткая» формулировка принципа лингвистической относительности: «мышление детерминировано языком». Это так называемая гипотеза Сепира – Уорфа, подвергавшаяся жесткой критике со стороны таких авторитетных левых исследователей, как Ноам Хомский [24] и Стивен Пинкер [25]. В сущности, этот неогумбольдтианский подход, разделяющий языки на «развитые» и «отсталые», трансформировался в риторике «новых левых» в разделение на «правильный толерантный» и «неправильный репрессивный» язык, не меняя сути подхода, и это притом, что крайняя форма лингвистического релятивизма была идеологической базой для националистов различных изводов. Разница лишь в том, что националисты превозносят свой язык как образец «правильного» языка (*ergo* мышления), а «новые левые» ругают актуальные формы языка как стигматизирующие и пытаются «правильный» язык *создать*, при этом... «*стигматизируя*» своих *оппонентов*. Таким образом, складывается парадокс: борьба «новых левых» с репрессивностью социального порядка в конечном счете оборачивается новыми формами репрессивности, на смену расизму приходит «прогрессивный расизм», дискриминации – «позитивная дискриминация», на смену личной ответственности – инкорпорированная коллективная вина за давно умерших рабовладельцев, некое подобие «первородного греха». Но ирония истории заключается в том, что «новые левые», а в обыденном сознании и все левые – таким образом сами «стигматизируются», приобретая в порядке «принудительного ассортимента» клеймо (стигму) защитников маргинальных групп и теряя понимание о среде *класса*, с защиты которого левые начинали.

Таким образом, идеи, породившие «новых левых», совершили круг и пришли к собственной противоположности. И теперь перед левым академическим сообществом стоит сложная и серьезная задача *осмысления* прошедших десятилетий и *позитивной критики* их итогов, – если потомки «поколения Порт-Гуруна» хотят переосмыслить современную проблему социального неравенства и социальной справедливости. Новые аспекты этой проблемы кроются уже не столько в атомизации современного общества, сколько в становлении «*цифрового общества*» и «*цифрового неравенства*» [26]. Но это уже тема следующей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rorty R. Achieving our country: leftist thought in twentieth-century America. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1998. 159 p.
2. Katz M. B. Reconstructing American education. Cambridge; London: Harvard Univ. Press, 1987. VIII, 212 p.
3. Katsiaficas G. N. The imagination of the New Left: a global analysis of 1968. Boston: South End Press, 1987. XV, 323 p.
4. The Port Huron statement / Students for a democratic society. New York, 1964. 65 p.
5. Eisenach E. The lost promise of progressivism. Lawrence: Univ. of Kansas Press, 1994. 291 p.
6. Arendt H. The human condition. 2nd ed. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1998. 349 p.
7. Towards a new past: dissenting essays in American history / ed. B. J. Bernstein. New York: Pantheon Books, 1968. 364 p.
8. Gutman H. G. The black family in slavery and freedom. 1750–1925. New York: Vintage Books, 1977. 774 p.
9. Levine L. W. Black culture and black consciousness: Afro-American folk thought from slavery to freedom. New York: Oxford Univ. Press, 1977. 556 p.
10. Genovese E. D. The political economy of slavery. Studies in the economy and Society of the Slave South, with a new introduction. 2nd ed. Middletown: Wesleyan Univ. Press, 1989. XXXII + 336 p.
11. Thompson E. P. The making of the English working class. London: Open Road Media, 2016. 848 p.
12. Lerner G. The woman in American history. Menlo Park: Addison-Wesley, 1971. 207 p.
13. Tilly L. A., Scott J. W. Women, work and family. [S. l.]: Routledge, 2016. 282 p.

14. Костикова И. В., Костикова А. А. Специфика философии гендерного образования // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, №4. С. 1498–1504.
15. Heyes C. Identity politics // Stanford encyclopedia of philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/> (accessed?).
16. Torpey J. Politics and the past: on repairing historical injustices. Maryland: Rowman & Littlefield, 2004. 328 p.
17. Смагар А. Дискурсивная трансформация мемориальной культуры США // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2019. №5. С. 86–95.
18. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. Москва: Логос, 2003. 350 с.
19. Taylor C. The politics of recognition // New Contexts of Canadian Criticism. 1997. Vol. 98. P. 25–73.
20. Palamounain J. C. The politics of distribution. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1955. 270 p.
21. Castells M. The power of identity. The information age: economy, society, and culture. Vol. 2. Oxford: Blackwell Publ., 1997. 461 p.
22. Миненков Г. Я. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Политическая наука. 2005. №. 3. С. 21–38.
23. Marcuse H. The New Left and the 1960s. Vol. 3. London; New York: Routledge, 2005. 210 p.
24. Chomsky N. Syntactic structures. Berlin; New York: Mouton & Co., 1957. 117 p.
25. Pinker S. The language instinct: how the mind creates language. New York: W. Morrow a. Co., 1994. 483 p.
26. Сегал А. П. «Цифра» и «цифровое общество» как симулякры XXI века (о терминологической строгости при описании процессов коммуникации) // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, №3. С. 2898–2908.
27. D'Emilio J., Freedman E. B. Intimate matters: a history of sexuality in America. 3rd ed. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2012. 536 p.
28. Goffman E. Stigma: notes on the management of the spoiled identity. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963. 123 p.

REFERENCES

1. Rorty R. *Achieving our country: leftist thought in twentieth-century America*. Cambridge, Cambridge, Harvard Univ. Press, 1999, 159 p.
2. Katz M. B. *Reconstructing American Education*. Cambridge, London, Harvard Univ. Press, 1987. VIII, 212 p.
3. Katsiaficas G. N. *The imagination of the New Left: a global analysis of 1968*. Boston, South End Press, 1987. XV, 323 p.
4. *The Port Huron statement*. Students for a democratic society. New York, 1964. 65 p.
5. Eisenach E. *The lost promise of progressivism*. Lawrence, Kansas, Univ. of Kansas Press, 1994. 291 p.
6. Arendt H. *The human condition*. 2nd ed. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1998, 349 p.
7. Bernstein B. J. (ed.) *Towards a new past: dissenting essays in American history*. New York, Pantheon Books, 1968, 364 p.
8. Gutman H. G. *The black family in slavery and freedom. 1750–1925*. New York, Vintage Books, 1977, 774 p.
9. Levine L. W. *Black culture and black consciousness: Afro-American folk thought from slavery to freedom*. New York, Oxford Univ. Press, 1977, 556 p.
10. Genovese E. D. *The political economy of slavery. Studies in the economy & Society of the Slave South, with a new introduction*. 2nd ed. Middletown, Wesleyan Univ. Press, 1989, XXXII, 336 p.
11. Thompson E. P. *The making of the English working class*. London, Open Road Media, 2016, 848 p.
12. Lerner G. *The woman in American history*. Menlo Park, Addison-Wesley, 1971. 207 p.
13. Tilly L. A., Scott J. W. *Women, work and family*. [S. l.], Routledge, 2016, 282 p.
14. Kostikova I. V., Kostikova A. A. Specifics of gender education philosophy. *Professional Education in the Modern World*, 2017, vol. 7, no. 4, 1498–1504.
15. Heyes C. Identity politics. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/>.
16. Torpey J. *Politics and the past: on repairing historical injustices*. Maryland, Rowman & Littlefield, 2004, 328 p.
17. Смагар А. В. Discursive transformation of the memorial culture of the United States *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*, 2019, no. 5, pp. 86–95. 18. Benhabib S. *The claims of culture: equality and diversity in the global era*. Moscow, Logos, 2003, 350 p.
19. Taylor C. The politics of recognition. *New Contexts of Canadian Criticism*, 1997, vol. 98, pp. 25–73.
20. Palamounain J. C. *The politics of distribution*. Csmbridge, Harvard Univ. Press, 1955. 270 p.

21. Castells M. *The power of identity. The information age: economy, society, and culture*. Vol. 2. Oxford, Blackwell, 1997, 461 p.
22. Minenkov G. J. Policy of identity from the point of view of modern social theory. *Political Science*, 2005, no. 3, pp. 21–38.
23. Marcuse H., Kellner D. *The New Left and the 1960s*. Vol. 3. London, New York, Routledge, 2005. 210 p.
24. Chomsky N. *Syntactic structures*. Berlin, New York, Mouton & Co., 1957, 117 p.
25. Pinker S. *The language instinct: how the mind creates language*. New York, W. Morrow a. Co., 1994, 483 p.
26. Segal A. P. «Digit» and «digital society» as simulacra of the XXI century (on the terminological rigor in the description of communication processes). *Professional Education in the Modern World*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 2898–2908.
27. D'Emilio J., Freedman E. B. *Intimate matters: a history of sexuality in America*. 3rd ed. Chicago, Univ. of Chicago Press, 2012, 536 p.
28. Goffman E. *Stigma: notes on the management of the spoiled identity*. Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1963. 123 p.

Информация об авторах

Костикова Анна Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии языка и коммуникации философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, (Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, 1, МГУ имени М. В. Ломоносова, Учебно-научный корпус «Шуваловский», философский факультет, e-mail: akostikova04@ya.ru).

Сегал Александр Петрович – (Москва, Россия), кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры философии языка и коммуникации философского факультета Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова, (Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, 1, МГУ имени М. В. Ломоносова, Учебно-научный корпус «Шуваловский», философский факультет, e-mail: segal.alexander@gmail.com).

Смагар Антон Викторович – аспирант кафедры философии языка и коммуникации философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, (Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, 1, МГУ имени М. В. Ломоносова, Учебно-научный корпус «Шуваловский», философский факультет, e-mail: antonsmagar@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 08.06.20.

После доработки 29.06.20.

Принята к публикации 01.07.20.

Information about the authors

Anna A. Kostikova – candidate of philosophical sciences, associate professor, the head of the Chair of Language Philosophy and Communication, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, («Shuvalov» Corp., 1, Lenin Hills, Moscow, 119991, Russian Federation, e-mail: akostikova04@ya.ru).

Alexander P. Segal – candidate of philosophical sciences, senior researcher, Chair of Language Philosophy and Communication, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, («Shuvalov» Corp., 1, Lenin Hills, Moscow, 119991, Russian Federation, e-mail: segal.alexander@gmail.com).

Anton V. Smagar – graduate student, Chair of Language Philosophy and Communication, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Shuvalov» Corp., 1, Lenin Hills, Moscow, 119991, Russian Federation, e-mail: antonsmagar@gmail.com).

The paper was submitted 08.06.20.

Received after reworking 29.06.20.

Accepted for publication 01.07.20.